

Г.В. Цулая

Из раннесредневековой грузинской агиографии: «Страсти св. Евстафия Мцхетского»

Опубликовано в "Древнейшие государства на территории СССР", М., 1991, сс. 116-134.

См.: <http://www.geo.orthodoxy.ru/saints.htm>

См.: [жития](#); [Грузия](#); [VI век](#). [пересказ краткий жития](#).

Научное значение грузинских агиографических сочинений раннего средневековья в науке было признано вскоре после того, как памятники грузинской письменной культуры стали входить в научный оборот. Значение их признавалось, в частности, в том, что они составлялись обычно "очевидцами и современниками описываемых в них происшествий, сохранившими в своих произведениях сведения о таких фактах, которые ускользали от внимания присяжных летописцев и хронистов. Как литературные памятники, отразившие в себе идеалы, думы и чаяния известной эпохи и известной среды, произведения эти. . . не лишены громадной культурно-исторической занимательности даже в той легендарной оболочке, в которую облечены некоторые из них фантастическим творчеством религиозно настроенных агиографов".

Следует, однако, отметить, что в приведенных словах выдающихся знатоков древнегрузинской письменности заметна черта увлеченности (впервые указанная работа К. С. Кекелидзе, написанная в соавторстве с Н. Я. Марром, была опубликована в 1915 г.). Известно, что писателей-агиографов, с одной стороны, и "присяжных летописцев и хронистов" — с другой, объединяли общие общественно-культурные проблемы и лишь различие жанров — агиографии и историописания, — обусловленное известными обстоятельствами, существенным образом отражалось на их авторской манере, характере использованных ими источников и освещении исторических фактов. Поэтому методы исследования их творчества, подход к содержащимся в них сведениям, естественно, часто не совпадают.

И тем не менее справедливость приведенного мнения в принципе оправдана тем интересом, с каким до сих пор встречаются исследователи научные издания грузинских агиографических памятников.

Публикуемый нами перевод "Страстей св. Евстафия Мцхетского" (вторая

половина VI в.) — второе после "Мученичества Шушаник" Якова Цуртавели дошедшее до нас оригинальное агиографическое произведение на грузинском языке. Между созданием двух названных письменных памятников лежит целое столетие, поэтому возникает вполне закономерная уверенность в том, что

прослеживаемое по иноязычным источникам богатое фактами внутренней жизни и внешних событий это время в Грузии могло быть отражено не в одних лишь названных произведениях.

Относительно авторской атрибуции "Страстей св. Евстафия Мцхетского" трудно сказать что-либо определенное. Правда, выясняются те материалы, которыми пользовался составитель их первоначального текста для воссоздания личности героя в виде, например, мировоззренческих выкладок, вливаемых в уста страстотерпца. Но все это носит чисто догматический (христологический) характер, и потому сам облик героя не выходит за рамки агиографических клише, хотя текст повествования свидетельствует (пусть и в общих чертах) о том, что в образе Евстафия Мцхетского сфокусировалась этнокультурная ситуация, возникшая на стыке Восточного Закавказья и Передней Азии в ранний период распространения здесь христианства и связанной с ним межрелигиозной (идеологической) борьбой.

В истории агиографического жанра, получившего свой классический канонизированный вид в VI в. в Византии, отмечаются "две основные линии: агиография народная, анонимная, и агиография „ученая“, имеющая авторство".

То, что в самом произведении об Евстафии нет даже косвенного намека на его автора, который не именуется ни в какой форме, может быть объяснено и тем обстоятельством, что произведения агиографии в Грузии как части византийского культурного круга имели ту особенность, что их авторами могли быть не только писатели или риторы и т. д., "но и люди, не имевшие особых навыков в литературном творчестве". Созданное, очевидно, негромкой, хотя и не бесталанной личностью в каком-нибудь из монастырей в коренной Грузии (с VI в. грузинские обитатели в достаточном количестве имелись и за ее пределами), мученичество св. Евстафия Мцхетского так и вошло анонимно в историю древнегрузинской литературы. Впрочем, этому могла способствовать и такая, обнаруженная учеными закономерность: "Жития, написанные в монастырских либо светских школах, всегда анонимны".

Несмотря, как мы отметили, на "незнатность" своего имени, аноним не был лишен ни определенного писательского дара, ни достаточной интеллектуальной подготовки. На это могут указывать и литературный уровень текста его сочинения и те проблемы, которые он решал, показав хорошую осведомленность в богословских писаниях своего и предшествующего времени.

Эпоха, в которую агиограф создавал свое произведение, не богата первоисточниками по истории Кавказа. Исследователи часто вынуждены пользоваться сочинениями иноземных авторов, сведения которых о народах данного региона обычно и отрывочны и противоречивы. Поэтому жизнеописание Евстафия Мцхетского как историческое свидетельство очевидца или написанное по рассказам очевидцев вполне заслуживает внимания; для истории же раннесредневековой Грузии важность его не вызывает сомнений.

В период правления в Иране шаханшаха Хосроя Аноширвана (531—579) в Мцхету, кафедральный город подвластной Сасанидам Картли, прибыл "из края Аршакетского" молодой тридцатилетний перс Гиробандак, "сын мага", т. е., по

понятиям благочестивых христиан, "язычник" и, кроме того, очевидно, из простонародья, так как именно "рядовые священнослужители именовались на протяжении всего сасанидского времени просто *мог*- словом, восходящим к древнему магу — „маг". Таким образом, публикуемый древнегрузинский источник имеет значение и для некоторого пополнения наших представлений об отправлении религиозных обрядов представителями средних слоев Ирана, о чем в источниках "ничего почти не известно".

Во Мцхете Гиробандак обучился сапожному ремеслу и во время общения со своими напарниками окончательно приобщился к христианству, к которому питал склонность еще в "Персии" вопреки назиданиям своего родителя, желавшего воспитать в нем подобного себе "мага". Обучившись ремеслу башмачника, т. е. обретя в некоторой степени экономическую самостоятельность и определенный социальный статус, Гиробандак женился на мцхетской христианке (об этнической принадлежности ее аноним молчит, для него это обстоятельство, возможно, не имело значения), крестился, и "нарекли его именем Евстафий".

Сведения приведенных социальных моментов говорят о той демократической среде, в которой вращался Гиробандак — Евстафий, создавались канонический его образ и рассказы о его подвиге. Особенно симптоматично указание на профессию Гиробандака. Известно, что Иран являлся своего рода убежищем для христиан несторианского толка, противопоставлявших свое учение официальной идеологии враждебных шаханшахам византийских автократов.

Покровительствуемые властями несториане влились в среду городского ремесленного и торгового люда Ирана и составили экономически наиболее зажиточный его слой. Но за покровительство и привилегии нужно было платить, а это могло быть доступно, известно, лишь богатой прослойке ремесленно-торговой части христиан: знатным торговцам, золотых и серебряных дел мастерам и т. п., оказывавшим значительную экономическую поддержку дряхлеющей к этому времени зороастрийской знати Ирана. Гиробандак, судя по всему, не мог помышлять попасть в ту среду богатых христиан Ирана, которая "имела доступ ко двору и могла обращаться со своими просьбами непосредственно к шаханшаху". Поэтому как личность он не представлял ценности для зороастрийских аристократов, которые, кормясь за счет неприятных им христиан, оставались преданными своей религии. Это обстоятельство должно указывать на социальное окружение и самого автора жизнеописания, даже имя которого так и не стало престижным.

Таким образом, общество, к которому принадлежал Гиробандак, и круг людей, в котором могли быть популярными рассказы о его жизни, вероятно впоследствии письменно оформленные незнатным лицом, были исключительно демократическими. Действительно, судя по жизнеописанию Евстафия — Гиробандака, именно такие демократические низы населения в агиографических произведениях, как замечают исследователи в другой связи, состояли "из людей и святых", находившихся "в постоянном контакте и взаимодействии".

Агиограф отразил отдельные бытовые подробности местной жизни, этнические противоречия, обусловленные идеологическими (религиозными) факторами, между населением Восточной Грузии и господствовавшими в ней персами. Евстафий Мцхетский — символ духовной целостности описанной в его житии эпохи. Автор пока еще не говорит о "превращении" Евстафия (бывшего Гиробандака) в грузина-картлийца, в житии нет идеи ассимиляции, по крайней мере практически она в нем не выражена. Эта идея все еще оставалась вне пределов общественного сознания грузинских книжников того периода. Лишь со временем, когда борьба "за веру" приняла всеобщий характер, охватила все слои населения и решала судьбу самого физического его существования, идеологические моменты стали служить судьбам именно этнического формирования грузин. И тем не менее в биографии Гиробандака — Евстафия объективно уже намечен процесс усилившихся в будущем "переливов" этнических групп на Кавказе из одного общества в другое. Герои последующих веков, повторившие жизненный подвиг Евстафия, станут символами борьбы теперь уже - за этническую самобытность грузинского этноса, но проходившей также под знаком религиозных привязанностей.

Став прозелитом, Евстафий — Гиробандак подвергся гонениям и жестоким испытаниям со стороны своих соплеменников и бывших единоверцев —

тбилисских персов. Корыстная терпимость иранских властей к христианам не снимала с персов ответственности быть верным зороастризму (надо думать, что это могло касаться в особенности низкого жречества из простонародья, подтверждением чему может служить судьба самого Гиробандака). По свидетельству армянского историка Себеоса (VII в.), правитель Ирана предоставил христианам право иметь свои церкви и переходить в их веру, за исключением магов, которым строго наказывалось оставаться в вере своих отцов. В уста страстотерпца, "сына мага", вложены слова: "Отец мой был волхвом и меня же обучал волхованию, но я не признал одного волхования". В этих словах обнаруживается не просто драма иранского простолюдина; перед нами отражение сложного процесса во внутренней структуре раннефеодальной грузинской народности, проходившего пока еще почти исключительно в религиозной оболочке. Именно в этих пределах в раннехристианскую эпоху на Кавказе происходила интеграция родственных картвельских (грузинских) племен, а также абсорбирование ими представителей иноэтнических племен и народов.

Вначале проживавшие во Мцхете персы подвергли Евстафия искушению: они предложили ему разделить с ними праздничное пиршество, устроенное, естественно, по маздеистской обрядности. Этот пассаж аноним, скорее всего, намеренно подогнал под евангельские рассказы о "лукавом" искушении Христа фарисеями (ср.: Матф. XXII, 15 и след.; Мрк. XII, 13 и след.; Лук, XX, 20 и след.), спроецировав их на реальный быт местной жизни, и потому рассказ грузинского анонима имеет собственное источниковое значение для представления о взаимоотношениях и быте полиэтничного населения жителей подвластной иноземцам Мцхеты, древней столицы Грузии.

Евстафий уклонился от участия в трапезе единокровных его огнепоклонников и даже стал кощунственно ее порицать. В ответ на это "башмачники и чувячники" донесли на него начальнику Мцхетской крепости Устаму, родом персу, и потребовали от него устроить над отступником судилище. Вызов на допрос к начальнику крепости Евстафий принял спокойно, и этот факт автор, возможно пользуясь устными рассказами о мученике, не преминул написать по мотивам евангельских сентенций, дабы придать своему герою характерные для новозаветной морали черты покорности и самоотверженности. Здесь же сообщается и об иерархии администрации иранского наместничества в Картли: судить Евстафия оказался правомочным не всякий ее представитель; немаловажны также отдельные подробности о мцхетских христианах либо их последователях, персах по происхождению (хотя и не исключена вероятность, что сам этноним "перс" в житии в некотором роде носит собирательный характер, обозначая огнепоклонников вообще).

Примечательно, что из семи христиан, сопровождавших Евстафия "в Тпилиси" на судилище, шестеро носят чисто иранские имена. Это не согласуется с тем непреложным условием, согласно которому смена "языческого" (в данном случае иранского) имени на "каноническое христианское" была одним из неизбежных последствий крещения в зрелый период истории христианства, хотя факты сохранения за героем мартиролога "языческого" имени в Грузии встречаются и позже.

Это обстоятельство как будто дает основание предполагать что в "Страстях св. Евстафия Мцхетского" сохранились отголоски, связанные, очевидно, не только с ранним периодом распространения христианства в Картли, но и с тем, что во Мцхете (как, возможно, и в "городах и весях" не одной только Картли, но и Восточного Закавказья в целом) проживали "некрещенные" приверженцы христианства. Обращает внимание, что "некрещенные" (формально их отличают имена иранского происхождения), осужденные заодно с Евстафием, избегли кары, а друг Евстафия Стефан был помилован, надо думать, не только потому, что был христианином уже во втором-третьем колене (таких персы шалили) как в том

стремится нас убедить автор, но и ввиду ходатайства за него "сирийцев". Аноним здесь лишь отразил покровительство сасанидских правителей преследуемым во враждебной им Византии несторианам-сирийцам.

Придя "в Тпилиси", Евстафий был заточен в темницу, из которой его выпустили через шесть месяцев в результате ходатайства перед марзпаном Арвандом Гушнаспом картлийских вельмож, в том числе местного католикоса. Но спустя три года, уже в период марзпанства в Картли Вежана Бузмира, заменившего Арванда, представители иранского населения Мцхеты вновь возбудили дело против Евстафия, в итоге он был умерщвлен.

Перед осуждением на казнь Евстафий в согласии с агиографическим шаблоном произносит речь. Это обычная тирада неопита, воздающего апологию религии (идеологии), к которой он примкнул и за которую (также по канонам агиографического жанра), не задумываясь, отдает свою жизнь. Вместе с тем именно в данном контексте древнегрузинского мартиролога обнаруживается его жанровое (источниковое?) совпадение с теми диспутами (известными по персидским источникам), которые звучали между обращаемыми в христианство персами и зороастрийскими магами. Одним словом, в этой части посвященного Евстафию Мцхетскому мартирия обнаруживается начитанность автора в канонической и богословской литературе, он также свободно ориентируется в идеологии и быте соседнего с картлийцами нехристианского населения.

С раннего средневековья в отношении Грузии усугублялась постоянная опасность быть поглощенной мировыми державами. Борьба против этой опасности и придала (обычную в таких условиях) специфику возникшей в V в. письменной культуре грузин и творческой позиции местных писателей. Если, например, в Сирии, которая в раннем средневековье имела на Грузию (в частности, на ее историко-культурное ядро — Картли) особое влияние, как непосредственное, так и опосредованное армянским культурным миром, жития отчасти служили "для удовлетворения потребности церковных служб", то грузинские агиографические сочинения изначально были поставлены на службу идее освободительного движения (этой идее в значительной мере служила и сама процедура грузинских церковных служб) против идейной и вооруженной экспансии иноверного Сасанидского Ирана, а со временем и христианской Византии, правители которой никогда не расставались с намерением инкорпорировать в пределы Империи маленькую страну в горах Закавказья.

Жизнеописание Евстафия было составлено в эпоху, когда грузинская церковь развивалась пока еще в русле восточного христианства. Этим и объясняется терпимость грузинского анонима к сирийцам-несторианам. Отсутствие на страницах мартирия упоминания об армянской общине можно объяснить, скорее всего, тем, что она во Мцхете, вероятно, ничем не отличалась "от грузинской, и поэтому упоминать ее в агиографическом сочинении не было особой необходимости" (так же можно добавить, что не было необходимости упоминать, например, этническую принадлежность невесты Евстафия); в IV — VII вв. здесь рядом с другими этническими группами "были представлены и армяне, хотя и в небольшом количестве", в основном абсорбированные грузинами (картлийцами). При этом данный процесс мог проходить путем языковой ассимиляции, в ходе которой конфессиональный фактор в этнических процессах многоплеменного населения Картли (Восточная Грузия) не приобрел доминирующего значения в течение всего средневековья. Евстафий в посвященном ему сочинении рассуждает не как представитель грузин, в среде которых он был крещен. Обращаясь к своим соплеменникам, он не забывает, что и сам он перс. Отрицая догматы маздеизма, Евстафий не противопоставляет себя персам, он стремится "вразумить" их, показать абсурдность "отеческого" верования, он говорит: "Мы же (т. е. персы. — Г. Ц.) веруем в него (в огонь. — Г. Ц.) словно в бога. Нам же Господь пожелал себя в молчании" и т. д. Кроме того, марзпан Вежан Бузмир

пожаловал огонь в услужение и т. д. Кроме того, маршан Бежан Бузмир обращается к нему как "к сыну". Этот элемент христианского священнического этикета в данном случае имеет то значение, что агиограф признавал в Евстафии прежде всего перса, не грузина.

Существует мнение, что окончательное обращение Евстафия в христианство в Картли означало его "огрузинивание". Такая эволюция самосознания иноплеменников в Грузии, как и в других этноконфессиональных общностях, исторически подтверждается, и об ее закономерностях мы выше уже говорили. Действительно, одной из причин неприятия Евстафием "веры иудеев" было непонимание им их языка. Следовательно, перс Евстафий—Гиробандак должен был знать богослужебный язык (в контексте данного жития — грузинский) принимаемой им религии. Здесь явно звучат отголоски одного из главных предписаний паулинизма, учения "Христа у язычников" (Рим. XV, 16; I Кор XIV, 2 — 39).

Но в данном конкретном случае мы имеем дело с фактом вступления Гиробандака — Евстафия лишь в конфессиональную общность с грузинами (кارتლიელები). Он говорит о своем приобщении не к грузинам, а к "христианскому миру", выразительно названному в оригинале "христианети", что, безусловно, было местным выражением византийской идеи "христианской империи" — Imperium Christianorum.

Исследователи текста "Страстей св. Евстафия Мцхетского", естественно, уделяли особое внимание тем письменным памятникам древности, на основании которых аноним создал систему взглядов своего героя. Ныне уже можно считать выясненным, что он пользовался такими трудами поздней античности, которые могли быть направлены в защиту основ христианства, в частности, в борьбе с маздеизмом, наиболее активным его соперником в Закавказье в раннем средневековье, несущим реальную опасность этнокультурного вырождения местных народов. Известно, что для обоснования пропаганды своих взглядов грузинский автор широко использовал "Апологию" популярного афинского философа II в. н. э. Аристида. Современный исследователь Б. И. Киланава считает, что составитель жизнеописания Евстафия апеллировал также к труду раннехристианского апологета Татиана "Диетессарон". В доказательство автор приводит отсутствие евангельских рецепций в монологах Евстафия (точнее, автора мартиролога), в которых, как и в сочинении Татиана, нет упоминания о "детстве Христа"; кроме того, в грузинском мартирологе "земная деятельность" Христа завершается "очищением" Иерусалимского храма, и этим он напоминает аналогичный пассаж из "Диетессарона"; сюда же исследователь относит общие для грузинского произведения и труда Татиана рассказы о "воскресении" и "вознесении" Христа, а также о деяниях апостолов. Не лишено убедительности и высказывание Киланава о следах в труде грузинского анонима известного в древности сочинения под названием "Учение двенадцати апостолов" ("Дидахе"), которое "применялось в церковных школах на Востоке".

Вместе с тем Киланава не всегда последователен в определении места названных литературных памятников в развитии сюжета "Страстей св. Евстафия Мцхетского". Решая вопрос о связи грузинского произведения с раннехристианской литературой и поздней античной философией, автор считает, что тем самым выявляются его "источники". В действительности составитель описания подвигов Евстафия не мог пользоваться какими-либо источниками. Их просто могло не быть, если не признать реальным допущенное нами предположение о существовании в устной традиции грузин рассказов об Евстафии, которыми только и мог пользоваться автор жития.

Аноним сам создавал источник, и не только для биографии охристианившегося маздеиста перса, но и для понимания культурной и политической ситуации своего времени в одном из ареалов восточного христианства. Все, о чем он писал, было

времени в одном из арсалов восточного христианства. Все, о чем он писал, было непосредственным отражением в его сознании общественной ситуации, сложившейся в Грузии ко второй половине VI в. Этой цели служил и отбор им тех философских и богословских произведений, посредством которых он отразил взгляды своего героя, а через него и общественное мнение той среды, которую он представлял и идеи которой он выражал.

В художественном отношении "Страсти св. Евстафия Мцхетского" уступают другим произведениям раннесредневековой грузинской агиографии ["Мученичество Шушаник" Якоба Цуртавели (V в.), анонимное "Мученичество девяти отроков колайских", время создания которого не поддается точному определению; "Мученичество Або Тбилисского", Иоанна Сабанис-дзе (VIII в.); анонимное "Мученичество Константа Грузина" (IX в.); "Житие Григория Хандзтийского" Георгия Мерчуле (X в.) и др.].

В заключение несколько замечаний к переводу. В основу нашей публикации положен текст по списку X в., напечатанный в "Памятниках древнегрузинской агиографической литературы" (Тбилиси, 1963. Т. I. С. 30 - 45). Список относится к тому периоду истории древнегрузинской литературы, когда метафрасная традиция еще не успела сколько-нибудь глубоко вмешаться в архетипы письменных произведений, и потому переписчики так или иначе проявляли, можно сказать, добросовестное отношение к переписываемым материалам.

Язык "Страстей св. Евстафия Мцхетского" архаичен, но не отличается особой сложностью, что обусловлено главным образом его предназначением для церковного чтения пастве, состоящей преимущественно из демократических слоев населения. Оригинал содержит немало омертвевшей лексики и даже грамматических конструкций. Особые трудности представляет для перевода лексика терминологического характера, формально она нередко звучит современно, в чем и состоит сложность выявления древнего смыслового значения отдельных терминов. В качестве примеров можно привести следующие.

Слово "сопели" (в современном значении "деревня", "село") применительно к периоду составления жизнеописания Евстафия одновременно значило и "страна": "соплиса Спарсетисаса" — "страны Персидской" и т. д.

Термин "хелмпипе", современный грузинскому "царь", в тексте жизнеописания Евстафия, как и вообще в древнегрузинском, значил "главарь", "власть имущий", "повелитель"; в качестве русского эквивалента мы подобрали слово "государь" в значении "князь" (говоря сегодняшним языком — "администратор").

В оригинальном варианте мы оставили термин "мамасахлиси", буквальное значение которого "отец дома" ("домовладыка"; ср. армянское "танутер" — "домовладыка"); примерно такому значению - "хозяин дома" — этот термин соответствует в русском синодальном переводе Нового завета (Матф. XXIV, 43).

По совету М. С. Чхартишвили, любезно сверившей публикуемый нами перевод с оригиналом, словом "сановники" ("царские сановники") мы перевели древнегрузинский социальный термин "сепецули", обозначающий "люди, принадлежащие царскому роду".

В тексте, где говорится о воскресении Христа, упоминаются две последовательницы Спасителя — "Мария и Магдалина" (груз. "Магдалинели"). В данном случае следует иметь в виду, что мироносица Мария Магдалина по небрежности переписчика жития Евстафия Мцхетского названа без имени. В оригинале должен был быть перифраз новозаветного текста: "Между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии" и т. д. (Матф. XXVII, 56).

Требуется разъяснения перевод масдарной формы слова "маг" — "могуоба"; нам пришлось прибегнуть к синониму "волхование": грузинскому "могви" ("маг") в

словарях XIX в., составленных в архаическом ключе, соответствует "волхв".

И наконец, об иранском имени Евстафия—Гиробандак. Примечательно, что в грузинской антропонимии, богатой заимствованиями из художественных произведений всех эпох, а также из иранского культурного мира на всех этапах исторических связей с ним грузинского народа, это имя не получило распространения. Видно, что христианское имя Евстафий и обаяние образа его первого носителя в сознании средневекового грузина основательно вытеснило дохристианское имя перса Гиробандака. Последнее, как установлено, значит "раб, принадлежащий Гуру". Следует полагать, что именно в противовес этому значению иранского антропонима герою было дано ставшее именем, популярным в грузинской антропонимии вплоть до наших дней, христианское прозвище Евстафий— "Стойкий".

Существует недостаточно квалифицированный русский перевод (вернее, неточный пересказ) "Страстей св. Евстафия Мцхетского", выполненный еще в прошлом веке. До сих пор не потеряла своего значения публикация на немецком языке.

Страсти св. Евстафия Мцхетского

I. На десятом году царствования Хосроя и марзпанства Арванда Гушнаспа в Картли явился некий человек из Персии, из края Аршакетского; сын мага, он был язычник. И именовался он Гиробандак и днями своими был молод, примерно тридцати лет.

И явился он в город Мцхету, и стал обучаться сапожному ремеслу, и пригляделся к вере христиан и к служению Христу и явлению силы Святого Креста. Возлюбил веру христианскую и уверовал в Христа. Обучившись сапожному делу, он женился на христианке и сам же стал христианином, и принял свет. А в крещении нарекли его именем Евстафий. И здравствовал святой Евстафий в христианстве и благоволении Христовом.

II. Но вот собрались на празднество проживавшие во Мцхете персы — башмачники и чувячники, оповестили блаженного Евстафия и говорили ему: "Иди к нам и соединишь с нами в этом нашем празднестве". Но блаженный Евстафий посмеялся и ответствовал им: "Радость ваша слепа, и вы, веселящиеся, слепы. А на мне — печать Христова, и справляю я празднества Христовы, ибо я печатью Христовой отмечен и избавлен от вашего мрака".

А по завершении своего празднества сговорились те же башмачники и чувячники, собрались и предстали пред Устамом — начальником Мцхетской крепости — и доложили ему: "Здесь пребывает один человек из нашего рода, но празднеств наших не посещает и огня не чтит, и веру нашу поносит, и нас бесчестит и говорит: "Ибо я — христианин". Ну, а теперь призови его и допроси, потому как в этом городе ты являешься государем".

И Устам — начальник крепости — выслушав их (речи) о Евстафии, отправил к блаженному Евстафию всадника и призвал его к себе. И (придя к нему, всадник) грозно обратился: "Тебя вызывает начальник крепости".

А святой Евстафий несколько заколебался и хотел было уклониться, но затем, подумав, произнес: "Они же приятели мне, так ежели я пугаюсь их, то как же после этого я предстану пред большими начальниками. Нет, пойду я к нему и открыто признаю Христа, ибо ведомо мне святое Евангелие, в котором сказано: "Тот, кто признает Меня пред людьми, того и признаю Я пред Отцом Моим небесным, но того, кто отринет Меня от людей, того отрину и Я пред Отцом Моим, пребывающим в небесах". И, осенив крестным знаменем чело и грудь, произнес: "Со мною Бог мой"

И явился блаженный Евстафий и предстал пред Устамом, начальником Мцхетской крепости, а приведший его (всадник) обратился к Устаму: "Вот он, что надругается над нашей верой". Глянул тут начальник крепости на блаженного Евстафия и сказал: "Скажи мне, человеце, из какой ты страны либо города и какой ты веры держишься".

А святой Евстафий говорил ему: "Был я из страны Персидской, из края Аршакетского, из города Гандзака. Отец мой был волхвом и меня обучал волхованию, но я не признал оногo волхования, ибо в городе Гандзаке христиане многочисленны, (есть) и епископ и священники, и ко всем им я и примкнул, ибо христианство превышает всех (прочих) вер безбожных. И отныне я верую в Христа и пребываю в служении Христу".

Но начальник крепости Устам сказал ему: "Никто тебе не позволит быть христослужителем, и ежели не отречешься по добру от сего безумия твоего, то навлечешь на себя великие истязания". Но святой Евстафий сказал: "Я не только готов на мучения за христорлюбие, но головы своей за то не пощажу".

Когда же Устам узрел стойкую решимость блаженного Евстафия, то поразмыслил и сказал: "Ни пытаться и распинать этого человека, ни заточить его в тюрьму не во власти моей, но отправлю я его в Тбилиси к марзпану картлийскому Арванду Гушнаспу, и пусть он рассудит, как положено, ибо и жизнь и смерть всякого в Картли в его власти".

И начальник Мцхетской крепости повелел двум всадникам сопровождать блаженного Евстафия в Тбилиси. Собрались все те же башмачники и чувячники, пришли к Устаму и говорили ему: "Здесь находятся и прочие из нашего рода, которые также являются христианами. Вели созвать их также и заодно отправить в Тбилиси".

Устам же спросил их: "Кто они такие?" И они перечисляли их поименно и сказали: "Одного зовут Гушнак, другого — Бахдиад, затем — Борзо, Панагушнасп, Перозак, Зармил, Стефан".

И распорядился Устам созвать их, но не учинил им допроса, а повелел связать всех восьмерых и отправить в Тбилиси к марзпану картлийскому Арванду Гушнаспу и уведомил его так: "Эти люди были нашей веры, но ныне отдались вере христиан. Я схватил их и к тебе, владыке, отправил, потому как тебе подвластно допрашивать их".

И с их восьмерых представили марзпану, а он спросил их: "Кто вы такие и какой веры держитесь?" И всяк из них назвал свой край и свое поселение, и говорили так: "Были-то мы в отеческой вере, знали мы веру персидскую, но когда пришли в Картли и пригляделись к вере христиан, то стали христианами. Ну, и являемся теперь христианами, ибо вера христиан чиста и благовонна, паки добродетельна и прекрасна, и прочим верам не сравняться с верой христианской".

А среди них (главным) ответчиком на судилище был блаженный Евстафий. И когда марзпан выслушал эти их слова, то разгневался и повелел своим служителям бить по лицам сих блаженных, вывести всех вон, и распорядился: "Обрежьте им головы и бороды и прободайте им ноздри, и положите им на спины цепи, и закуйте им ноги в оковы, и заточите их в темницу, и лишь того из них, кто вернется в отеческую веру, отпустите и приведите ко мне, я одарю того сокровищами многими, а кто не вернется в отеческую веру, того умертвите в темнице".

И услышав те слова марзпана — "кто же вернется в отеческую веру, того облагодетельствую, а кто нет — велю умертвить в темнице" — тут же дьявол

омагодетельствую, а кто не... веле умертвить в темнице, а тут же дьявол проник в сердца Бахдиара и Панагушнаспа, и отреклись они от Христа, и признали безбожие, и приобщились к распявшим Его. А блаженный Евстафий и Гушнак, и Борзо, и Перозак, и Зармил, и Стефан бодро и доблестно отстаивали веру Христову. Когда же поведали тому марзпану, что двое из них признали отеческую веру, возрадовался он и велел привести их к нему, усадил их с собою и сулил им великие ценности и ласковое обхождение. А блаженному Евстафию и прочим его сотоварищам велел обрить головы и бороды и возложить им на плечи цепи и закованных заточить в темницу. И служители исполнили повеление марзпана, обрили им головы и бороды и в цепях и оковах загнали их в темницу. А Бахдиад и Панагушнаспа утешил и отпустил, но вместо обещанного им добра и ценностей не дал им и гроша.

А святой Евстафий и друзья его находились в заточении около шести месяцев. Спустя же шесть месяцев к Арванду Гушнаспу явился зватай персидского царя. И поелику оный марзпан стал готовиться (в путь) к царю своему, собрались вельможи картлийские и явились на проводы марзпана.

И покуда марзпан седлал коня, встали мтавары картлийские и католикос картлийский Самоэл, и мамасахлиси картлийский Григол, и питиахш картлийский Аршуша, и прочие царские сановники и говорили марзпану: "Взываем к воле твоей, обращаемся к тебе с просьбой". Он же отвечал им: "Говорите, чего желаете. Бывало ли, чтобы я не благоволил вам?" Они же все говорили: "Умоляем тебя, коли сочтешь то заслуживающим, владыка, освободи людей тех мцхетских, что за христианство заточены в темницу". Сказал им марзпан: "Те люди заслужили казни, но по ходатайству вашему я выпущу их". Они же воздали ему благодарение. И повелел он освободить их, и выпустили их из заточения, и вернулись они в свои обители. Здравствовались те блаженные в вере Христовой и боголюбии. И некоторые из них со временем по воле Господней почили, другие и поднесь живы.

Ну, а те, что отринули Христа: Бахдиад обратился в бесноватого и помер в муках, а каянный Панагушнасп закончил жизнь свою в убожестве, не имея хлеба на пропитание и не зная, чем бы прикрыть плоть свою, и покуда жил, дни его были наполнены тоской и бедствиями.

IV. Прошло три года, и марзпаном Картли сделался Вежан Бузмир. Персы, оклеветавшие блаженного Евстафия, явились из Мцхеты в Тпилиси и предстали пред марзпаном Вежаном Бузмиром и говорили: "Во Мцхете есть люди нашего рода, но отступились они от нас и христианствуют, и судить их ныне в вашей власти". И велел Вежан Бузмир двум всадникам отправиться и привести святого Евстафия и Стефана. И когда пришли эти всадники к Евстафию и Стефану, то сказал им: "Марзпан вызывает вас". А они сказали: "Мы пойдём с вами, мы не тужим и не робеем".

И когда Евстафий и Стефан отправлялись в Тпилиси, говорил Евстафий теще своей, жене и чадам своим и рабыням — служанкам своим: "Разлучили нас, ибо не вернуться мне сюда — не отрекусь же я от Христа, а они не отпустят меня живым, ждет меня погибель в тпилисском заточении, и голову мою ждет отсечение, и лишь прах мой по воле Господней будет сюда возвращен".

И сказав это, распрощался со всеми, и, перекрестившись, они отправились в Тпилиси — он и с ним Стефан и всадники. А домочадцы, родственники и близкие их рыдали им вслед, и когда вступили в долину и проходили пред мцхетским Джвари, воздел руки святой Евстафий и произнес: "Владыко Иисус Христос, ежели сподобишь меня смерти в христианстве во имя Твое, не сочти нужным извергнуть плоть мою вон на съедение псам и птицам небесным, но повели прах мой вернуть сюда же на погребение во Мцхету, где принял я свет".

Прочитав эти слова, блаженный Евстафий поклонился (церкви святого) Христа

Произнеся эти слова, блаженный Евстафий поклонился (церкви святого) Креста, распрощался с собором, и продолжили путь в Тбилиси. И придя, всадники те представили марзпану Вежану Бузмиру Евстафия и Стефана и сказали: "Вот они — новые христиане мцхетские". А Вежан Бузмир сказал Евстафию и Стефану: "Кто вы суть и какой веры держитесь?" И встали главари-сирийцы, заступились за Стефана и сказали: "Этого человека мы знаем, он из наших поселян, отец его и мать, братья и сестры являются христианами, и он также христианин". Так, благодаря этим словам, Стефана освободили. А святого Евстафия спросил: "А ты кто такой и в какой вере здравствуешь?"

Святой Евстафий сказал: "Уж коли спросил, то выслушай слово мое со вниманием: жил я в стране Персидской, в краю Аршакетском, в городе Гандзаке. Отец мой был магом, и братья мои были магами. Отец и меня готовил в маги. Но я не взлюбил отеческую веру и стал размышлять: не приемлю эту веру, но выслушаю я иудеев, а также христиан и возлюблю ту из вер, которая будет

лучше. Днем отец обучал меня волхованию, а ночью, когда собирались христиане, я отправлялся в церковь и присутствовал на службе христиан и приглядывался к ней, совершаемой во имя Господа. Посещал я также святилище иудеев, приглядывался и к их службе. Но звуки христианских молитв для слуха подобны ангельским, весьма благовоно и сладостно их богослужение. Когда же ночью я вошел в святилище иудеев, я не мог понять, о чем они говорили. Затем я вновь пришел (в церковь). Подошел ко мне просвещенный в богословии архидиакон Самоэл и сказал: "Чего это ты столь прилежно посещаешь церковь?" Я же ответил ему: "Владыка, ведомо тебе, кто я есть, но не любо мне верование моего отечества, и желаю я, чтобы кто-либо ознакомил меня с верованиями иудеев и христиан, и какое из них будет чище, то и возлюблю".

Тогда архидиакон Самоэл говорил мне: "Ежели ты желаешь ведать истину, то я скажу тебе, что обе эти веры благи. Избрать какую-либо из них не во власти твоей, но зависит лишь от волеизъявления Господнего". Я же молил его упорно и говорил ему: "Я желаю ту веру, Богу которой буду угоден, и дай мне(в том) совет". И архидиакон Самоэл стал повествовать и сказал мне: "О брат! Выслушай меня внимательно. Прежде была вера персидская, как о том ведомо и тебе. Но Господь презрел веру персов и не благоволил ей. Потом Господь избрал евреев и возлюбил их и дал им веру и заповеди. И только после того возлюбил Господь христиан паче иудеев". Затем я стал молить архидиакона Самоэла и сказал ему: "Владыка, будь добр, поведай мне благосклонно о том". И потом спросил: "Владыка, кто же были евреи, откуда они явились и как возлюбил их Господь?" Тогда говорил мне архидиакон Самоэл: "Рассказ о евреях долог, брат мой, но ежели ты приготовил слух свой и со вниманием слушаешь меня, я готов рассказать и поведать тебе обо всем.

V. Жил в стране Персидской, в граде Вавилонском некий человек непорочный и боголюбивый и звали его Абрахам. И явился ему в видении ночном Господь, и говорил Он Абрахаму: "Уходи из страны сей, и поведу Я тебя в земли иные, и преумножу тебя, и возвышу тебя весьма и премного, и сделаю, тебя отцом родов обильных и бесчисленных народов". И Абрахам уверовал в слова сии Господни, и сказал Абрахам: "Да сбудутся надо мной слова Твои, Господи". И выступил Абрахам из земли той Халдейской, и вступил в земли Междуречья, в город Ханаан подле Евфрата. Явился он предведомый ангелами, и устроился он в Ханаане, а затем (Бог) вывел его оттуда и привел его в землю Ханаанскую и поселил в Хеброне. И родился у Абрахама Исаак, а у Исаака — Иаков. У Иакова родились двенадцать сыновей, и повелел Господь Абрахаму и сказал: "Соверши обрезание Иакову и всем сыновьям Иакова, и пробудут они среди вас избранными во веки".

И Иаков поступил так, как повелел ему Господь. И возвысились и преумножились потомки Абрахама обильно и весьма. Это и суть евреи. И

возлюбил Господь евреев прेमного, как любит отец свое возлюбленное чадо. И нарек Он евреев именем Исраэл, а толкуется Исраэл — "народ Божий". И преумножил Он, я распространил Он божий народ Исраэл. И сошел Господь с небес на землю, и пришел на вершину горы Синайской, и начертал Господь рукою Своею на скрижалях каменных закон и заповеди сии.

Первая заповедь такова: возлюбите Владыку Господа вашего всем сердцем вашим и всею душою вашею, и всем разумом вашим. А затем так: не убей человека, не укради, не прелюбодействуй, не желай в сердце жену друга твоего, не клевети, не лжесвидетельствуй, не двурушничай, уважай отца твоего и мать твою. Возлюби друга твоего, как самого себя. Соблюдай субботы Мои, справляй торжества и празднества и отправляй приношения. Сей закон и заповеди начертал Господь и вручил их Моисею, рабу Своему. И Моисей принял те скрижали и зачитал их всем израильтянам. И возрадовались, все израильтяне и говорили: "Все, что повелел нам Господь, исполним и свершим, и Господь пребудет с нами". И вознесся Господь в небеса. И как только евреи усвоили сей закон, стали отправлять предначертанные приношения и ладан и жертвы, и по субботам постились, и Господь был с ними.

В ту пору собрались (люди) враждебного семени и нагрянули на израильтян. Но Господь рукою одного человека прогнал их: одних истребили, других привели пленниками с собой, иных обратили в бегство, и таким образом обезопасили себя от супостатов, ибо с ними был Бог.

Затем спустя некоторое время израильтяне все заодно просили Господа дать им царя, ибо воевали они с врагами, и Господь пожаловал им царя, и устроил Господь им порядок коронования. А спустя несколько дней сгинул тот царь утруженный, ибо возомнил оно себе и стал уповать на силу свою, но не Господа его.

Затем царствовал Давид. А Давид был любимцем Божьим, и возлюбил Давид Господа. Давид совершал всесожжения и воздаяния и жертвоприношения и благостно соблюдал торжества и субботы. После него царствовал сын его Соломон, а он отринул Господа, и отпал народ от Господа, и стал служить идолам, глухим и рукотворным, и камням бездушным, деревьям и большим дубравам, и кронам дерев, а Господа отвергли. А пророки вопиющие вещали: "Не положено покидать Господа Живого и служить камням ни чему-либо прочему. Впредь Господь ниспошлет на вас смерть и голод, и меч свой, и отдаст вас в полон, и так истребит". Но они не желали внимать гласу собственных пророков, ибо лютовал сей народ израильский. И повелели они истребить тех пророков, кого мечом, кого огнем, кого перепилили пилами, кого отдали зверям, кого ввергли в пещеру, кого забили камнями.

VI. Но Господь благостен и человеколюбив, Он не желает истребления Израиля, но желает обратить его. Бог ниспослал миру сына Его Христа, и вошел Он во чрево святой Девы, воплотился и вочеловечился чрез святую Марию и от утробы Святой вышел и покрылся божественной плотью. Ежели бы Он не покрылся божественной плотью, человек не приблизился бы к Богу, ибо Солнце — создание божие, а никто не обратит к нему очей своих и потому не ощутит круглоты его. И человеку не приблизиться к Господу, и потому Он и воплотился, дабы Господь присносуший обратил Израиль. И с вочеловечением Его принял свет Он в реке Иордан из рук Иоанна. И когда Он выходил из реки, и се, разверзлись небеса, и Святый Дух, подобный голубице, светлый, воспарил над Ним, и был глас с небес, вещавший: "Вот Сын Мой возлюбленный, Коему я благоволю, внимайте Ему и блаженствуйте".

И вошел Он в Иерусалим и стал чудодействовать и творить знамения и исцеления. Тридцать пять лет возлежал недужный на одре своем — узрел его и велел словом: "Встань и возьми ложе твое и ступай", — он тотчас поднялся и пошел, и славил

Господа.

Затем встретил слепого от рождения, размесил землю в слюне и смазал глаза его и велел омыть их водою, и прозрели глаза того слепца. И мертвых подъял, и хромым выправил, и прокаженных очистил, и множество исцелений сотворил Христос меж ними, дабы убедить иудеев и обратить их ко Господу Живому, и желал Он, дабы не отринули они Господа.

Но сии иудеи рассвирепели пуще и стали жестоко мстить Христу, и возжелали заклать Его. Но Христос уклонился от них и стал скитаться там же в окрестных весях и поселениях. А те, кто уверовали в Него, следовали за Ним. Шел Он одним селением, и несли покойника — единокровного сына вдовицы, и, увидя это, велел опустить гроб. И коснулся Он рукою отрока, и вернул матери его ожившим.

Затем, как проходил Он неким селением, к Нему подступила многочисленная толпа, и ввиду множества того люда, Он не смог принять убогого, и тогда с дома снесли кровлю, и оттуда опустили того в ложе. И исцелил Он его, и на собственных ногах вернул его в дом. И обступило Его множество люда, и величали Господа. И из людей своих Он избрал двенадцать человек и назвал их учениками Своими, и те совершали то, что Он им повелевал.

И вошел Он в один поселок. Там справляли свадьбу. И пришел Христос на то свадебное пиршество, и не было там вина, ибо все было выпито и стояли пустые кувшины. Тогда Иисус повелел ученикам Своим принести воды, и наполнили кувшины водою, и освятил Христос ту воду, и превратилась она в вино и более вкусное, нежели бывшее в них прежде, дались диву великому, уверовали в Него и примкнули к Нему.

Затем была женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, и тайно подступила к Иисусу сзади и коснулась подола Его одеяния, и тем исцелила себя.

А затем проходил Христос через некую местность, и это была прекрасная долина, и глянул Он на люд, что следовал за Ним, и говорил ученикам Своим: "Сей народ уж столько дней пребывает без еды, Мне жаль его; ступайте в город, купите хлеба и дайте его народу". И говорит Христос ученикам Своим: "Есть ли у кого-либо из вас хлеб?" И сказал один из учеников: "У меня имеется пять хлебов и две рыбы". Сказал Христос: "Подайте их Мне". И когда пожаловали Ему те пять хлебов и две рыбы, Христос велел тем людям присесть на землю и вознес ввысь те пять хлебов и две рыбы, благословил и преломил, и поделил ученикам Своим, а ученики те раздали люду тому. И люд вкушал и насыщался, и набрали двадцать полных коробов остатков, а людей тех, что вкушали, было до пяти тысяч, помимо отроков и женщин.

Тогда Христос велел сему народу изойти из суши. А Христос и ученики Его прошли по морю тому, словно по суше, и стопы их не намокали. Когда же они ступили на твердь, встретил их некий человек в окружении легиона бесов, возопил он и говорил: "Христос, спаси меня, злополучного". А Христос вознегодовал на легион бесов, отошел от них и величал Господа, но бес возопил и сказал: "Христос, я узнал, кто Ты есть святой Божий, Ты явлен лишь для того, чтобы погубить меня". А Христос повелел земле, и разверзлась она и поглотила беса того, и рухнул он в преисподнюю.

Затем явился Он в то местечко, которое именовали Бетанией и где преставился Лазарь за четыре дня до этого, и покоился он в гробнице, подал голос и сказал: "Лазарь, иди вон". И по одному этому зову Христову тот вышел из гроба радостный. И дался диву люд, и паче преумножился народ в вере великой.

После этого вошел Христос в храм Господень и узрел устроенное в нем торжище. И поднял Христос бич, и разогнал тех человек с их торжища, и

разрушил столы их, и сказал: "Писано же, чтобы дом Отца Моего именовался домом молитвы, вы же превратили его в вертеп разбойников". И затем говорил: "Разрушу Я этот храм и в три дня отстрою его". Когда же те евреи услышали это, разгневались весьма и говорили: "Ведомо нам, что отец Его — Иосиф и мать Его — Мария, были у Него и братья. А Себя же выдает за Сына Божьего и храм Господень сделал Своей вотчиной". И затем сказали: "Соломон сорок лет возводил (храм этот), а Он говорит об его разрушении и обещает в три дня возобновить". Из-за этих слов разгневались те евреи и затаили в сердцах своих злобу, и порешили схватить Его и умертвить.

И схватили Христа, и поставили Его пред первосвященников своих и старейшин. И сии первосвященники и старейшины говорили Христу: "Значит, Ты выдаешь Себя за Сына Божьего, так Ты и есть Сын Божий?" А Христос говорил им: "Вы это сказали".

И затем говорили Христу: "Соломон сорок лет возводил храм сей, Ты же молвишь: "Разрушу его и в три дня возведу". Тогда Христос: "В Моей власти его и в три дня выстроить". Тут же евреи те разгневались и заупрямились, и возмутили народ еврейский, и говорили: "Сей человек заслужил смерти". И напали на Христа, и стали сечь Его и глумиться над Ним, и одни били Его по голове святой прутьями из терна, другие — из камыша, одни били Его по ланитам, другие плевали в лицо Его светлое. И водрузили древо, и распяли Христа на кресте, и на распятии дали Ему испить уксус, перемешанный с желчью.

Тогда возвел Он глаза ввысь к небесам к Отцу Своему и сказал: "Отче Мой, Я исполнил все, [но Израиль не внял Мне и навлек на Меня сии муки". И склонил голову и испустил дух, и поспешно сняли Его с креста. Но был некий человек вельможный, в прошлом ученик Христа. И взял он тело Христово, и положил Его в гробницу новую, и навалил на вход гробницы камень большой. Но на третий день в раннюю зарю с небес спустился ангел и отвалил тот камень с Его могилы. И восстал Христос, и вышел из гробницы, и явился двум Своим ученикам и Марии и Магдалине и прочим женам. И говорил им Христос: "Скажите ученикам Моим: пусть идут на Фавор Галилейский и там узрят Меня". И двенадцать тех учеников в великой радости отправились на гору Фавор и узрели Христа, и поклонились Ему, и лобызали стопы Его святые. А Христос говорил ученикам Своим: "Отныне да не именуется вы учениками, но будете именоваться апостолами. Я же ныне вознесусь к Отцу Моему и к Отцу вашему, ко Господу Моему и Господу вашему". А в апостолов тех вдохнул Дух животворный и сказал им: "Вы удостоились Духа жизни и отправляйтесь в города и веси, и селения, и от края земного и до края являйте чудеса и знамения, и врачуйте, и обращайтесь язычников, и давайте свет именем Отца и Сына и Святого Духа, и научайте всякого, сколько вам самим ведомо. Я же, и се, — все дни жизни вашей пребываю с вами до скончания мира. Принимайте безвозмездно, приняв, отдавайте безвозмездно" И вознесся Христос в небеса с сонмами ангелов, а двенадцать тех апостолов отправились и пошли по городам и весям, и селениям, и несли радость и проповедовали о Христе, воскресшем из мертвых, и творили чудеса и знамения и исцеления, и обращали, и несли свет именем Отца и Сына и Святого Духа.

И таким образом умножилось и разлилось христианство от края земли и до края земли. И поставили епископов и священников, и возвели церкви. Тогда же был воздвигнут Крест, и весь мир уверовал в Христа. И преисполнилась земля вся христианами, и по всей земле возглашалось (имя) Христово. А евреев тех постигло то, что предрекали им пророки: кто через меч, кто через голод, кто через смерть были они истреблены и расточились, а прочие в полоне рассеялись, потому как не сберегли они веры Господа живого. А ныне же христиане именованы Израэл, ибо Израэл толкуется "народ божий и раб Христов", с которым величие вечное во веки веков, аминь".

VII. И как только я уразумел и вполне понял архидиакона Самоэла — все изначала я доселе, и постиг сполна верования иудеев и христиан, уверовал я в Господа изначального и Сына Его Иисуса Христа и Дух Святый Его. А посему и принял я свет, и никому не отторгнуть меня от Христа до исторжения дыхания моего, а слово о вере отечества моего мне печально и постыдно, ибо Господь прежде сотворил небо и землю, Солнце и Луну и светила, море и сушу, реки и водоемы, горы и холмы, древо и огонь, четвероногих и дичь, пресмыкающихся и птиц небесных, а затем Господь создал человека. И сделал Он человека владыкой над ними всеми и всех их покорил ему. Так неужто Бога — творца всего сущего — отринем, а Богом признаем Им же сотворенного? Не бывать тому! Солнце и Луна и светила не суть Боги, но Господь велел Солнцу освещать день, а Луне и светилам велел светить ночью; итак, не суть они Боги. Господь также указывает облакам застилать сияющее Солнце и затмевать Луну. Посему Солнце и Луна не суть Боги. Затем и огонь также не есть Бог, потому как человек возжигает огонь и человек же его гасит, ибо человек — владыка огня. Посему огонь и не есть Бог. И к чему бы он ни устремлялся, вырвавшись, чего бы ни достигал — будь то лес, будь то долина, будь то жилище, и (даже) человек — испепелит все. Но стоит воде сойтись с огнем, то столь (мощная) сила огня гаснет и огонь обращается в ничто, посему он и не Бог, мы же веруем в него, (словно) в Бога.

Нам же Господь пожаловал огонь в услужение, для согрева в стужу и для приготовления всякой пищи, и его мы по надобности можем и гасить. Посему огонь и не есть Бог.

Затем мы, сотворенные Господом люди, были подобны бессловесным тварям и, таким образом, подобно бессловесным самцам и самкам, не отличающим ни родни, ни порожденных ими самими и вследствие этого свершающим кровосмешение, и мы, люди, были подобны тем бессловесным тварям, и не ведали мы ни родни нашей, ни рожденных нами и природу нашу проявляли в смешении. Но ныне милостью Божией, из-за случившегося крещения и веры христианства, знайте, люди, что пали и развеялись бесчинные те дела... Об одном лишь молю, Владыко наш Иисусе Христе, чтобы прах мой был погребен во Мцхете, где я принял свет из рук католикоса Самоэла и сподобился веры христианства. Отныне никому не отлучить меня от любви Твоей и веры и рвення, как писано: "Ни страдания, ни истязания, ни голод в заточении, ни меч, ни умерщвление сей плоти моей не понудят меня отвергнуть Тебя, Владыко Иисусе Христе".

Тогда говорил ему марзпан Бузмир: "Сын мой, Евстафий, внемли мне и не сокращай дни твоей жизни из-за христианства, и не делай вдовой супругу твою и сирыми детей твоих, и не разлучайся с друзьями твоими в этой жизни".

Ответствовал ему Евстафий: "И прежде тебя иные властители жестоко истязали и пытали меня, и я не покорился им. Так что же? Мне внимать тебе? Не будет того!"

VIII. И тогда, видя твердое и незыблемое сердце и разум блаженного Евстафия и (убедившись), что ни устрашением, ни пытками, ни посулами благ не вернуть его в отеческую веру, марзпан Бузмир велел служителям: "Уведите его в темницу и ночью тайно отсеките ему голову, чтобы никто из христиан не ведал о том и не почтили тела его. И унесите труп его за пределы города и выставьте на съедение зверям и птицам".

И слуги увели блаженного Евстафия в заточение, чтобы выполнить распоряжение того марзпана.

Говорил им святой Евстафий: "Потому как я (и без того) в руках ваших, помилосердствуйте, братья мои, дабы быть мне в силах молиться Богу моему", Они же, несколько помешкав, предоставили ему досуг и сказали: "Да будет так". Тогда, согнув колени и возводя очи свои в высь небесную, говорил: "Господи

Владыко, Вседержитель, благоволящий жизни всех человеков, " верой уповающих на святое имя Твое, который внимал молитвам оных первомучеников, во имя Твое убиенных — кто острием меча, кто через утопление в озерах студеных, кто через сбрасывание в море, кто через огонь и съедение зверьми и от Тебя принявших завет неведомый и неслыханный, и в сердце человеческом не бывший, и который Ты уготовил оным мученикам Твоим, — так удостой и меня, Господи, и введи в их обители, и в празднества и радости их беспредельные. Я же недостойнейший из мучеников, — глаголет же апостол Павел: "Я наименьший среди апостолов", — ведомо Тебе, Владыко мой Иисусе Христе, никого — ни отца, ни мать мою, ни братьев и ни сродственников моих — не предпочел, но единственно Тебя, Владыко, возлюбил я, и се, — во имя Твое отсечется ныне голова моя. И молюсь, и молю, и прошу о том благодать Твою, дабы не был прах мой оставлен в Тбилиси, но был погребен во святой Мцхете. где и явился Ты мне, и дабы были милость и исцеление костям моим, яко оным предтечам моим".

И слышал он глас, говоривший ему: "Не быть тебе скуднее оных, прежде исцеленных благодатью, что уверовали в Меня. А о прахе твоём не заботься. Да будет так, как о том ты молил". И возрадовался блаженный Евстафий и возблагодарил Бога. А святой Евстафий загодя упредил блаженного Стефана: "Узнав о моей смерти, спешно заберите прах мой во Мцхету и погребите там, где принял я свет".

И как завершил молитвы и моления и просьбы ко Господу, говорил он служителям марзпана: "Теперь же вершите мне приговор". Но те не захотели его казнить, однако один из них произнес: "Нас истребят, ежели он останется в живых". Тогда они наложили на него руки, ударили мечом по вые блаженного и отсекли ему голову. Так поручил он душу свою Владыке Христу

А ночью тело его унесли за пределы (города) и бросили там. Но некоторые из христиан узнали о том и забрали его во Мцхету, чтобы Стефан сообщил об этом) находившимся там христианам. Прибыв во Мцхету, обо всем поведали Стефану, а тот уведомил католикоса Самоэла. Сей же весьма возрадовался и похоронил его с великими почестями и во славе в святой церкви Мцхетской, и по сию пору недужным даются исцеления милостью Владыки нашего Иисуса Христа, Коего суть царствие и сила, слава и крепость и неистощимое величие Духа Святого и ныне и присно и во веки веков, аминь.

КО ВХОДУ В БИБЛИОТЕКУ ЯКОВА КРОВОА